

⁵ По данным Госдепартамента США и американского проф. Дендерфильда, сенат США с 1789 г. по 1934 г. из представленных ему для одобрения 962 договоров отклонил или притормозил так или иначе 280; при этом 15 договоров были отклонены полностью и 173 приняты с изменениями, что повлекло в 48 случаях отказ контрагента.

⁶ По фамилии заключавшего их со стороны Мексики министра иностранных дел.

⁷ За первые полвека существования Соединенных Штатов Америки таких договоров было заключено 349 с получением так называемой сенатской ратификации.

⁸ Заметим в числе этих соглашений исторически интересное — протокол от 23 сентября 1915 г. с Россией о разрешении вывоза из России в США товаров, ранее подпадавших под военное эмбарго.

⁹ См. Шульц, Дигесты международного права, т. V, с. 215

¹⁰ Таможенный и патентный суд США в делах Флетчера (1937 г.) и Уислера (1938 г.) признал себя некомпетентным обсуждать вопрос о конституционности торговых соглашений президента. Я не останавливаюсь поэтому на его практике.

¹¹ См. выдержки из решения в “Колумбийском юридическом обозрении” 1942, май, т. 42, № 5, с. 837 и 841.

¹² Дело Хаунштен против Лингама (1879 г. наследование), Асакура против Ситл (1924 г., профессия), Джордон против Таширо (1928 г., приобретение собственности). См. Чарльс Герстенберг, Американское конституционное право, 1937, с. 48 (на англ. яз.).

¹³ См. дела Миссури против Голланда (1920 г.), Тодок против банка США (1930 г.), там же

¹⁴ См. “Колумбийское юридическое обозрение”, 1942, № 5 с. 842.

Статья поступила в редакцию от профессора Лазарева М.И. в июне 1999 г.

НОВАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАТО, ВОЕННАЯ АКЦИЯ АЛЬЯНСА ПРОТИВ СРЮ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВОПОРЯДОК (Дискуссия на кафедре международного права МГИМО (У) МИД РФ)

Профессор В.А. Романов

Свое пятидесятилетие Североатлантический альянс отметил под несколько помпезным девизом: “НАТО XXI века берет начало сегодня: новые миссии, новые члены и новые партнеры.” Здесь не упоминается новая Стратегическая концепция, принятая на юбилейном саммите альянса в апреле 1999 г. Это однако не означает, что концепция не заслуживает самого пристального внимания, и прежде всего, с точки зрения ее соотношения с существующими в мире реальностями, включая сложившийся международный правопорядок.

Для Стратегической концепции НАТО характерно то, что выдвигая далеко идущие военно-политические установки для деятельности союза в предстоящие годы, она пытается сконструировать для них и некие особые международно-правовые, а то и квази-международно-правовые параметры.

В Концепции это достигается тем, что ее установки затрагивают не только договор 1949 г., на котором основывается функционирование альянса — Североатлантический пакт 1949 г., ныне все чаще называемый Вашингтонским договором, — и де-факто вносят в него немалые коррективы, а главное, во многом посягают на сложившийся на протяжении более чем столетия международный правопорядок и его договорную основу, воплощенную прежде всего в Уставе ООН.

На содержании Концепции в немалой степени сказалось то обстоятельство, что ее разработка совпала с подготовкой в кругах НАТО военной акции против СРЮ, а окончательную доводку концепция проходила в условиях, когда эта акция началась и приобрела достаточно масштабный характер. Многие положения Концепции предстают поэтому как попытка обоснования предпринятых НАТО военных мер на Балканах, и возведения возможности такого рода действий в правило, в некую новую модель дальнейшей политики и практики альянса, а в целом — как далеко идущие притязания на якобы особые роль и место НАТО в системе современного международного правопорядка. На содержании Концепции не могли, конечно, не сказаться и разногласия между членами НАТО, главным образом США и Англией, с одной стороны, и другими ведущими европейскими членами союза, в том числе и по международно-правовым параметрам, как это показал проводившийся под эгидой американской ассоциации ООН и Фонда Карнеги, Круглый стол (анализ разногласий по этим параметрам дан в разработке “NATO, the UN, and the Use of Force”, by Ivo H. Daalder, Brookings Institution).

1. Безосновательные претензии с опорой на силу.

Рассматривая международно-правовую сторону дела, следует прежде всего отметить, что само по себе наличие в рамках международного правопорядка договора между группой государств о коллективной обороне, каким с момента своего заключения преподносит себя пакт НАТО, не является чем-то таким, что могло бы оправдывать такого рода притязания. В мире имеются и другие договоры военно-политического характера, объединяющие узкие группы государств и содержащие сопоставимые обязательства, в сфере безопасности. Достаточно сослаться на существующий в Европе с 1948 г. (частично изменен в 1954 г.) Брюссельский договор, предусматривающий, наряду с экономическим и культурным сотрудничеством, коллективную оборону в случае вооруженного нападения на его участников и являющийся правовой основой ЗЕС, с окончанием “холодной войны” и затуханием конфронтации Восток-Запад этот союз встал на путь реалистического переосмысления своего места в преодолеляющей раскол Европе.

Иное дело НАТО. После прекращения существования ее военно-политического антагониста — Варшавского договора, а затем и с распадом СССР, казалось, должны были отпасть мотивы для военного активизма Североатлантического альянса, и на римском саммите НАТО в 1991 г. были предпринят ряд мер, в итоге которых и ныне альянс подтверждает в Концепции, что “не считает себя противником какой бы то ни было страны”. Элементарный здравый смысл и логика требовали бы завершить это положение признанием того, что тем самым исчерпывается и военная заостренность механизма НАТО. Однако Концепция показывает, что военной машине альянса уготовано еще более претенциозное, да и опасное, чем ранее, предназначение. Родается новая Европа, и при этом разворачивается евроатлантическая структура безопасности, “основу которой составляет НАТО”, — возвещается в Концепции. Тем самым НАТО, состоящая из 19 государств, претендует на то, чтобы быть основой безопасности на континенте, где уже функционирует Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, охватывающая 50 с лишним стран. Невольно создается представление, что лишившись военного противника в регионе, НАТО видит в ОБСЕ своего политического если не антипода, то соперника, стремится отодвинуть эту общеевропейскую структуру на задний план, расширяя при этом возможности для своего военного активизма.

2. Нарушения принципа неприменения силы и попытки деформирования института самообороны через самоприсвоение права действовать вне рамок статьи 5 договора НАТО.

Подобное, своего рода двойное, посягательство — на общий международный правопорядок и на основы общеевропейской безопасности — в Стратегической концепции НАТО осуществляется прежде всего в вопросе об использовании вооруженной силы для действий против других государств.

На рубеже тысячелетий, после пройденного человечеством опыта войн и конфликтов, казалось бы излишним напоминать, что применение силы, и прежде всего вооруженной, одним государством или группой государств против другого — запрещено, если речь не идет о мерах законной самообороны в ответ на вооруженное нападение или об участии в санкциях по решению Совета Безопасности ООН. Именно эти положения выражены в статьях 2 (п. 4), 39, 42 и 51 Устава ООН и в формуле принципа неприменения силы, содержащейся в Хельсинкском заключительном акте, да и в самом Вашингтонском договоре.

О том, что запрет на применение силы носит характер императивной нормы международного права, т.е. правила, которое признается международным сообществом в целом как норма, отклонение от которой недопустимо. Соединенным Штатам, лидирующим в военной акции против Югославии, известно как никому другому. На императивный характер такого запрета указал Международный суд ООН в своем решении, вынесенном против США в 1986 г. по жалобе Никарагуа по поводу американских военных происков против этого государства.

Нарушение этой императивной нормы квалифицируется в международном праве как акт агрессии — и не только согласно Определению агрессии, принятому ООН в 1974 г., где в числе актов агрессии указывается “бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства”. Уместно напомнить, что сами США еще в 1945 г. при разработке Устава Международного Нюрнбергского военного трибунала предусмотрели в перечне действий, составляющих “преступление агрессии”, такой акт как “нападение наземных, военноморских и военно-воздушных сил, хотя бы и без объявления войны, на территорию, суда или самолеты другого государства”.

Стратегическая концепция трактует полномочия НАТО и участвующих в альянсе стран на применение вооруженной силы против других государств, как если бы все эти постулаты международного и общеевропейского правопорядка были в состоянии отмирания либо накануне упразднения.

Упомянув о том, что действия альянса в случае вооруженного нападения предусматриваются статьями 5 и 6 Вашингтонского договора, Концепция заявляет, что отныне альянс привержен некоему широкому подходу к проблеме безопасности, одним из проявлений чего является “эффективное реагирование на кризисные ситуации”, “в том числе путем осуществления операций, не предусмотренных статьей 5”, иначе говоря, военных мер, не имеющих чего-либо общего с самообороной или санкциями по Уставу ООН.

На проведении таких операций в Концепции делается едва ли не больший акцент, чем непосредственно на обороне от реального нападения. Операции не предусмотренные статьей 5, “могут оказаться такими же насущно необходимыми, как решение некоторых задач в области коллективной обороны”, — подчеркивается в Концепции.

Чтобы максимально расширить возможность военных мер вне рамок этой статьи, их конкретные основания прописаны в Концепции настолько широко и неопределенно, что к числу рисков для безопасности и стабильности в Евроатлантическом регионе и вокруг него отнесены и региональные кризисы “на периферии альянса”, а равно “этническая и политическая вражда, территориальные споры, неадекватные или неудачные попытки реформ, нарушения прав

человека и распад государств". Попросту говоря, все аномальные явления, свойственные переходному — от биполярности к новой модели международных отношений — периоду трактуются в Концепции как факторы, могущие обуславливать военно-силовое реагирование со стороны НАТО.

А в изложении еще более конкретных по существу *casus belli* Концепция вообще утрачивает чувство меры: заявляется, что "интересам безопасности союза может угрожать более широкий" (чем вооруженное нападение) круг явлений, в том числе терроризм, саботаж и организованная преступность, а также перебои в поставке жизненно важных ресурсов" и даже "неконтролируемое перемещение огромных масс людей, особенно в результате вооруженных конфликтов".

Нельзя не заметить, что для россиян в ряде этих положений весьма узнаваемо, кто и что может стать объектом такого реагирования, да и вообще не так уж много найдется в мире государств, которые не сталкивались бы с подобного рода проблемами и тем самым не оказывались бы потенциальными жертвами вооруженных акций НАТО, проводимых вне рамок ст. 5 ее договора, а то и на еще более широком и менее определенном основании — в порядке "реагирования на кризисные ситуации".

Выражаемое этими понятиями нововведение в регламентацию применения вооруженной силы Концепция сопровождает оговоркой "в соответствии с международным правом", что является передержкой, ибо уже более полувека в международном праве, — как уже указывалось, осуждается и отвергается возможность применения вооруженной силы против государства по такого рода основаниям, не имеющим ничего общего с самообороной или санкциями. Как видно из Декларации принципов международного права, принятой ООН в 1970 г., за исключением этих случаев угроза силой или ее применения "является нарушением международного права и Устава ООН"; "они никогда не должны применяться в качестве средства урегулирования международных вопросов".

Но не только в этом дело. Стратегическая концепция НАТО, как видно, прямо деформирует само право государства на индивидуальную или коллективную самооборону, которая Уставом ООН допускается лишь в случае, "если произойдет вооруженное нападение на члена Организации", и меры осуществления которой "никаким образом не должны затрагивать полномочий и ответственности Совета Безопасности". За расширенную интерпретацию права на индивидуальную и коллективную самооборону еще в ноябре 1998 г. высказалась Североатлантическая Ассамблея, по мнению которой, это право должно "включать защиту общих интересов и ценностей, в том числе в случае, когда последним угрожают гуманитарные катастрофы, преступления против человечности и военные преступления". Не просто отвергая эту трактовку, но и активно возмущаясь ею, проф. Б. Симма, член Комиссии международного права ООН, член консультативного совета по международному праву и делам ООН при МИД Германии, по поводу подобного расширения сферы применения права на самооборону высказался в том плане, что оно "нетерпимо и, конечно, абсурдно с точки зрения правовой и не заслуживают дальнейшего комментирования". ("NATO, the UN, and the Use of Force: Legal Aspects").

К этому едва ли можно что добавить.

3. "Гуманитарная интервенция" в исполнении военной машины НАТО.

В качестве основания для применения вооруженной силы против третьих государств Стратегическая концепция НАТО поименно не ссылается на допустимость т.н. гуманитарной интервенции, как она признается среди некоторых специалистов международного права на Западе. Однако в ходе разработки Концепции и особенно в связи с ситуацией в Косово немалый акцент делается на том, что грубые и массовые нарушения прав человека и вообще надвигающаяся в этом крае гуманитарная катастрофа являются чуть ли не императивным

основанием для военного вмешательства НАТО, т.е. все той же “гуманитарной интервенции”. Да и ряд цитированных выше положений Концепции по существу выражает притязания НАТО на право осуществлять такую интервенцию. Но притязания эти не имеют международно-правовых оснований.

Посяательства на права человека и принципы гуманности подлежат квалификации как нарушения соответствующих норм международного права и конкретных международных соглашений. Реакция со стороны третьих государств или их организаций не может выходить за пределы того, что называют репрессалиями. Но “государства обязаны воздерживаться от актов репрессалий, связанных с применением силы” — подчеркивается в Декларации о принципах международного права. Другая стороны дела состоит в том, что “гуманитарная интервенция” вообще не известна как институт позитивного международного права.

Со времени Французской революции 1789 г. и известного послания Президента США Монро 1823 г. относительно невмешательства оно явилось предметом регулирования во многих международных актах, но ни в одном из них не предусматривалось допустимость “гуманитарной интервенции”. Устав ООН, закрепляя принцип невмешательства в дела “по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства”, делает из этого принципа только одно исключение: в случае “применения принудительных мер на основании главы VII”, т.е. по решению Совета Безопасности ООН, а не по собственному усмотрению какого-либо государства, либо их альянса. Концепция “гуманитарной интервенции” не выдерживает проверки на обоснованность. Это констатировал, в частности МИД Великобритании, который в 1986 г. высказался в том плане, что подавляющее большинство современных правовых авторитетов “выступают против существования права на гуманитарную интервенцию” по трем главным основаниям: во-первых, не представляется, что Устав ООН и в целом современное международное право предусматривают такое право; во-вторых, практика государств за последние два века и особенно с 1945 г. в лучшем случае знает лишь небольшое число случаев действительно гуманитарной интервенции, а по мнению многих — вообще ни одного; и наконец, масштабы злоупотребления таким правом в сильной мере свидетельствуют против его создания. “Гуманитарные интервенции”, “военный гуманитаризм”, как это иногда называют на Западе, включающий угрозу или применение силы без полномочий от Совета Безопасности “будет в принципе оставаться нарушением международного права”.

Характерны также соображения, высказывавшиеся в германском бундестаге в октябре 1998 г., когда речь шла лишь об угрозах НАТО в адрес СРЮ. Признавая юридическую уязвимость своей позиции, Правительство ФРГ тем не менее утверждало, что ситуация в Косово настолько отчаянна, что оправдывает эти угрозы, даже без мандата со стороны ООН, “в состоянии гуманитарной необходимости, не оставляющей выбора средств”. При этом подчеркивалось, что германское согласие с правовой позицией, занятой альянсом в специфическом случае с Косово, не должно рассматриваться как “зеленый свет” для подобных интервенций вообще. По словам тогдашнего министра иностранных дел ФРГ Кинкеля, “решение НАТО не должно стать прецедентом”; в том, что касается монополии Совета Безопасности на применение силы “мы должны избежать того, чтобы оказаться на скользком склоне”.

Таким образом, “гуманитарную интервенцию” с применением военной силы невозможно квалифицировать иначе как вооруженной агрессией. В международном праве, международной практике еще с 30-х годов нынешнего столетия сложился постулат, в силу которого, как подчеркивается в принятом ООН определении агрессии, “никакие соображения любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии”.

“Агрессия влечет за собой международную ответственность...” Она является международным преступлением. Интервенция, вмешательство во внутренние или внешние дела государств рассматривается в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, подготовленном по линии ООН, как одно из таких преступлений.

Международная норма непререкаема: “никакие соображения...”, а значит и “гуманитарность” интервенции не может служить ее оправданием. Гуманитарные акции вообще не могут осуществляться антигуманными методами — бомбежками, обстрелами и т.п. методами, применяемыми НАТО против СРЮ.

4. Ставка на расширение пространственной сферы действия альянса.

В процессе разработки Стратегической концепции немалое место занял вопрос о расширении пространственной сферы действия НАТО, каковой согласно Вашингтонского договора является североатлантический регион к северу от тропика Рака.

Напрямую, *expressis verbis*, концепция говорит о такого рода расширении весьма сдержанно. Однако из ряда ее положений прямо вытекает распространенные сферы действия альянса за пределы обозначенного в договоре региона. Со ссылкой на то, что в договоре предусмотрено отражение нападения на территорию государств-участников “откуда бы оно ни исходило”, в Концепции утверждается, что “соображения безопасности альянса требуют рассмотрения этого вопроса во всемирном масштабе”. В этой связи Концепция предусматривает, что вооруженные силы альянса будут выполнять его обязательства по коллективной обороне “и проведению операций в кризисных ситуациях”, возникающих иногда “вдали от районов их обычного расположения, в том числе за пределами территорий стран НАТО”.

Присваивание со стороны НАТО функций борьбы с распространением ядерного, химического и бактериологического оружия особенно выпукло отражает намерение альянса проводить свои действия и в других регионах.

Известно, что хотя проблема нераспространения этих видов оружия по существу носит глобальный характер, она едва ли остро стоит в Европе и тем более в Североатлантическом регионе, где, кроме признанных ядерных держав — России, Англии и Франции, нет других государств, имеющих программы создания ядерного оружия. Следовательно, закрепляемая в Концепции функция НАТО противодействовать распространению ОМУ (оружия массового уничтожения) означает, что альянс имеет в виду распространять свои прерогативы, в том числе в отношении военного противодействия, на другие районы, и это конечно, учитывая складывающиеся реальности, прежде всего Азии.

При всем этом по вопросу о “географической досягаемости” НАТО, его “радиусе действия”, как, впрочем, и по другим подобного рода новациям в сфере военно-политической деятельности НАТО, за положениями Концепции скрываются прежде всего американские замыслы.

С точки зрения США, фундаментальная цель НАТО после “холодной войны” должна сместиться “с защиты общей территории к защите общих интересов членов альянса”. Это означает его трансформацию не в некую “глобальную НАТО”, а в “НАТО, которая глобально активна”. Вопрос не в том, должен ли альянс “играть роль за пределами Европы, а в том, как далеко за пределы союзной территории его (альянса) роль должна простирается”, пишет А. Даалдер в своей упоминавшейся выше разработке. Союзники уже согласились, что на Балканы прерогативы альянса должны распространяться. Не без юмора С.Тэлботт в одном из недавних выступлений однако заметил, что в НАТО никто не предлагает размещать силы НАТО, например, на островах Спратли.

Говоря о *deeping of NATO*, он вместе с тем отрицал, что расширение пространственной сферы действия альянса, как и наделение его прерогативой применять вооруженную силу вне рамок ст. 5 Вашингтонского договора, требует

его пересмотра. По его словам, создатели этого договора “были достаточно осмотрительны, чтобы не налагать произвольных функциональных или географических ограничений на то, что альянс мог бы делать для защиты своей безопасности”. Мы нуждаемся в силах, доктринах и коммуникационных средствах, позволяющих нам, когда необходимо, ответить на вызовы этнической борьбы и региональных конфликтов, продолжал Тэлбот, — “которые затрагивают нашу безопасность, но находятся за пределами территории НАТО”.

Весьма показательно, что анализу тех положений проекта стратегической концепции, которые посвящены расширению радиуса действия НАТО, Б. Симма предпослал заголовок “Вне района или вне договора?”, в котором в частности упомянул мнение одного из членов Конституционного суда ФРГ о Вашингтонском договоре, как о “договоре на колесах”.

Однако такого рода подвижность этого договора, вернее границ его действия означает не что иное как некую попытку эвентуально распространить его действия на третьи, не участвующие в нем государства, создавая положение, в котором для них возникали бы некие обязательства по отношению к НАТО. В известной Венской конвенции о праве договоров 1969 г. на этот счет предусматривается ряд критериев, которые игнорируются в Концепции: требуется, чтобы обязательство для третьего, т.е. не участвующего, государства возникло “из положения договора”, и чтобы “именно это положение” участники договора имели “намерение сделать” “средством создания обязательства”. Никаких положений такого рода в договоре НАТО нет, и ни одно из положений Стратегической концепции — недоговорного документа не может явиться их заменителем. А главное состоит в том, что согласно Венской конвенции обязательство для государства из договора, в котором оно не участвует, возникает лишь в том случае, если оно “определенно принимает на себя это обязательство в письменной форме”. Не приходится и говорить, что ни от одного из государств, которые может иметь в виду НАТО, подобного рода принятия натовских “благодетелей”, тем более в письменной форме, не последовало, не говоря уже о том, что сами члены НАТО отнюдь не едины в том, что касается расширения географической сферы альянса. Не случайно накануне саммита Даалдер писал, что союзникам “следует общим образом ограничить географическую сферу досягаемости НАТО, в том числе в отношении угрозы и применения силы, Евроатлантическим регионом. В то же время им не следует делать ничего, что отнимало бы у тех союзников, которые этого желают, возможность действовать за пределами этого региона, если и когда они считают это необходимым. По его мнению, одна из уникальных сильных сторон альянса состоит в том, что он обеспечивает солидную основу для военных акций некоторых или всех союзников” в защиту их территории, ценностей и интересов, где бы проведение такого рода акций они не сочли бы уместными”.

Именно такой подход и санкционирует стратегическая концепция НАТО, не считаясь не только с постулатами международного права, но и с положениями Вашингтонского договора.

5. НАТО и Совет Безопасности ООН.

В Стратегической концепции встречаются скупые ссылки на ООН и ее роль, в том числе в европейских делах, упоминается о некоторых нормах ее Устава и констатируется, что “Совет Безопасности ООН несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, занимая таким образом ключевую позицию в Евроатлантическом регионе”.

Эта декларируемая, и при том чисто формально, полуприверженность отдельным положениям Устава ООН — обращает на себя внимание, что не говорится о приверженности целям и принципам ООН — перекрывается нагнетаемыми в Концепции притязаниями НАТО на некое верховенство в международных делах и на фактическое оттеснение Совета Безопасности и ООН в целом, всей

нормативной системы в сфере поддержания мира и безопасности, воплощенной в Уставе, на задний план. Даже уставное положение о главной ответственности Совета Безопасности воспроизведено в Концепции таким образом, что оно оказалось вырванным из контекста других положений Устава о роли и месте Совета, в том числе норм, касающихся его прерогатив, имеющих прямое отношение к деятельности таких организаций, как НАТО.

Весьма характерно, что в Концепции, как это имело место и ранее, не признается, что НАТО является региональной организацией. НАТО явно не желает сообразоваться с теми нормативами, которые заложены в Уставе применительно к региональным организациям и их военно-силовой деятельности. Главные из этих нормативов состоят в том, что Совет Безопасности использует, где это уместно, региональные органы для принудительных действий "под его руководством"; что "никакие принудительные действия не предпринимаются" в силу региональных соглашений "без полномочий от Совета Безопасности" (ст. 53) и что Совет "должен быть всегда полностью информирован о действиях", как предпринятых, так и намечаемых в такого рода региональном порядке (ст. 54). Эти положения Устава обеспечивают возможность необходимого политико-правового контроля со стороны Совета Безопасности за военно-силовой деятельностью региональных организаций, что особенно существенно в постконфронтационном мире, в котором, наряду с локальными и внутренними, на первый план все больше выдвигаются региональные конфликты.

Именно в стремлении уйти от такого контроля со стороны ООН, НАТО, как правило, отрешивается от амплуа региональной организации. Об этом, в частности сказано в письме Генеральному секретарю ООН предшественником Х.Соланы на посту Генерального секретаря НАТО В. Клаасом, и это подчеркивается в западной доктрине международного права даже теми юристами, которые не разделяют линию альянса на его особую роль и место в современном международном правопорядке: "НАТО не является региональной организацией в смысле главы VIII Устава ООН", поэтому ст. 53 этой главы "формально не применима в случае НАТО".

Мотивировка отторжения региональности НАТО нередко дается весьма откровенная: В Совете Безопасности правом "вето" пользуется, как и другие постоянные члены Россия, и применив его в отношении какого-либо принимаемого им решения, касающегося альянса, Россия тем самым косвенно наложила бы "вето" на предусматриваемую в решении акцию самой НАТО, что для ее членов принципиально неприемлемо.

По укоренившимся на Западе представлениям, НАТО является не региональной организацией, а организацией коллективной обороны, основывающейся на ст. 51 Устава ООН. Но юридической необоснованности притязаний альянса это не устраивает: поскольку принятием Стратегической концепции НАТО закрепляет распространение сферы своего военного активизма за рамки статьи 51 своего договора, предусматривающей коллективную самооборону, на военные акции альянса вне рамок этой статьи не может не распространяться запрещение применения силы, предусмотренное другими нормами Устава, о которых говорилось выше, так как согласно статье 103 в случае, когда обязательства по международному договору оказываются в противоречии с обязательствами по Уставу, "преимущественную силу", как уже указывалось, имеют обязательства по Уставу.

Такова принципиально-правовая сторона дела. Но есть и практическая. За последние пять лет отношения НАТО и ООН эволюционировали не в пользу ООН.

На своем саммите в Брюсселе в 1994 г. альянс заявил о готовности сотрудничать с ООН в операциях по поддержанию мира "и других операциях под руководством Совета Безопасности ООН", что отвечало требованиям ст. 53 Устава.

Позднее на одном из форумов, проходившем под эгидой НАТО, еще выражалось сомнение, что альянс пойдет на применение принудительных мер, по

крайней мере, за пределами района своего действия, “без полномочий от Совета Безопасности”. В течение менее, чем года сомнения рассеялись. Как обоснованно считает Б. Симма, действия НАТО сдвинулись от полного сотрудничества с ООН в области операций по поддержанию мира и в отношении применения принудительных мер в Боснии, к принудительным действиям “вместо ООН, еще разрешенным Советом Безопасности”, для имплементации Дейтонских соглашений, а теперь в контексте Косово — “к принудительным действиям вместо ООН без такого разрешения. При такой эволюции — взаимоотношениям НАТО и Совета Безопасности Организации Объединенных Наций угрожает “соскальзывание в ненужность”, а Совет Безопасности “рискует исчезнуть как серьезный орган безопасности”. Все, что он может предоставить, по мнению некоторых западных кругов — это легитимация, тогда как НАТО может обеспечить необходимое “многостороннее прикрытие”.

При всем этом практика недавних лет показывает, что в условиях доминирующего в политике НАТО стремления отмежеваться от амплуа региональной организации и от политико-правовых ограничений на ее военно-силовые акции, все же в ряде случаев альянс был вынужден идти на то, чтобы его в Совете Безопасности трактовали как региональную организацию. В частности, это имело место в резолюции Совета 1031 (1996 г.), касающейся Дейтонских соглашений по урегулированию в Боснии, да и в самом Соглашении о военных аспектах урегулирования. В этом соглашении НАТО прямо названа, региональной организацией, и именно в этом качестве была уполномочена Советом на обеспечение выполнения соглашения.

Таким образом, когда альянсу выгодно и угодно, он соглашается на амплуа региональной организации, когда нет — отрешивается от этого амплуа. Но такая двойственность является аномалией: или НАТО признает за собой качество региональной организации или альянс, не признавая этого качества, должен рассматриваться в международном правопорядке как аутсайдер, как некая правовая аномалия, паразитирующая на игнорировании международного правопорядка.

Уже цитировавшаяся выше статья 103 Устава ООН о преимущественной силе обязательств ее членов по Уставу, лишает правовой обоснованности как стремление НАТО не считать себя региональной организацией, так и попытки альянса возвести в принцип возможность прибегать к вооруженным акциям без мандата от Совета Безопасности ООН, как это просматривается в Стратегической концепции и в ее интерпретации, в особенности в кругах США и самого НАТО. В частности, С. Тэлботт, оговорившись, что НАТО и ее члены будут продолжать руководствоваться своими обязательствами по Уставу ООН и Хельсинкскому акту; подчеркнул в одном из своих выступлений, что не следует “подчинять НАТО какому-либо другому международному органу” и что альянс должен резервировать за собой “право и свободу действовать, когда ее члены консенсусом считают это необходимым”.

Сторонником такой свободы действий альянса является и Генеральный секретарь НАТО, утверждавший, что “НАТО должна иметь возможность, от случая к случаю, действовать, если необходимо, по собственному решению” и что вообще могут быть обстоятельства, в которых требуется действовать “из гуманитарных соображений, когда резолюция Совета Безопасности “не будет необходимой или даже уместной”.

В этой связи, давая оценку доводам Соланы, что НАТО — это все-таки серьезная организация, которая принимает решения путем консенсуса между серьезными странами с демократическими правительствами Б. Симма не без оснований заметил, что никакое единогласие государств-членов НАТО не может устранить границы, с которыми эти государства должны соотноситься в силу существующих в международном праве норм *jus cogens*, в особенности в отноше-

нии неприменения силы, как эти нормы выражены “в высшем праве Устава ООН”.

В порядке поиска выхода из ситуации весьма острой коллизии с Уставом ООН, в которую НАТО ставит себя своим игнорированием Совета Безопасности, в кругах западных международных выдвигается идея о том, что санкцию Совета Безопасности на осуществление военных мер против государства такие организации как НАТО должны иметь “как правило”. К сожалению, против искушения соблазниться этой идеей не устоял и Генеральный секретарь ООН К. Аннан. Когда на пресс-конференции в Брюсселе в январе с.г., после посещения им штаб-квартиры НАТО, его спросили о том, что потребуется для действий НАТО в СРЮ, он ответил: “Нормально требуется резолюция Совета Безопасности”, допуская тем самым возможность действий НАТО и без такой резолюции.

Объективно такие допущения исключения, как и утверждение о том, что военная акция против Югославии без санкции Совета Безопасности, не создает прецедента, служит выгораживанию НАТО. В сущности это работает в том же направлении, что и натовская теория самоуполномочивания (self-authorization) на военно-принудительные меры против других государств, которая является еще одним показателем того, что новая стратегическая концепция НАТО, помимо ущербности своих военно-политических установок, является еще и концепцией игнорирования целого ряда ключевых норм международного права, что, конечно, не предвещает для НАТО перспективного будущего.

Насколько юридически несостоятельным является подобное самоуполномочивание со стороны альянса, со всей очевидностью показывает его уже упоминавшееся притязание на противодействия по своей линии в т.ч. и вооруженной силой, без санкции Совета Безопасности, распространению ядерного и другого ОМУ. Хорошо известно, что основополагающие международные акты в этой области и прежде всего Договор о нераспространении ядерного оружия и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний предусматривают вовлеченность Совета Безопасности в такого рода противодействие — в оговоренных договорами обстоятельствах. Если теперь НАТО, исходя из Стратегической концепции, собирается бороться с распространением ОМУ по собственному усмотрению, вплоть до игнорирования зафиксированных в договорах функций Совета Безопасности, то это не может не означать, что Альянс не намерен останавливаться и перед нарушением названных важнейших договоров в части, касающейся предусмотренных в них прерогатив Совета Безопасности.

Поистине, в ряде положений своей новой стратегической концепции Альянс оказался на крутом склоне и начал скользить в состояние беззакония. И этому не помогут никакие попытки проводить близкое к расщеплению волоса различие между *legally* and *legitimately*.

Как считает ряд аналитиков на Западе, если альянс сделает нарушения Устава ООН “регулярной частью своей стратегической программы на будущее”, это окажет “деструктивное воздействие на всю универсальную систему коллективной безопасности, заложенную в Уставе ООН”. И далее: если договор НАТО и может иметь “прочный правовой стержень”, который даже самая инновационная интерпретация не сможет подвергнуть эрозии, то “это подчинение НАТО принципам Устава Организации Объединенных Наций”. Иного выбора у НАТО нет.

6. Югославский аспект посягательств НАТО на международный правопорядок.

Военная акция НАТО против Югославии, предпринятая за месяц до утверждения альянсом новой Стратегической концепции, с самого начала сопровождалась попытками придать ей видимость обоснованности с точки зрения и более специфических положений международного права.

В заявлении, сделанном в ночь на 23 марта с.г., руководство НАТО, сообщая об акции, признало: “Мы хотим тем самым поддержать международные усилия

по обеспечению согласия Югославии на промежуточное политическое урегулирование". Иначе говоря в качестве одного из мотивов военной акции было объявлено намерение вынудить Югославию дать согласие на подписание нужного НАТО имплементационного соглашения, говоря языком международного права, согласиться на заключение договора под военным давлением. Гитлер в Мюнхене в 1938 г. дальше угроз не зашел, хотя его войска концентрировались на границе с Чехословакией; НАТО свою угрозу реализовало.

Известен и получил должное отражение в международном праве эпизод мюнхенского диктата.

Разрабатывая в 1968—1969 гг. Венскую конвенцию о праве договоров, представительная Конференция ООН приняла специальную Декларацию, в которой говорится, что Конференция "торжественно осуждает обращение к угрозе или к применению всех форм какого бы то ни было давления, военного, политического или экономического, каким бы то ни было государством с целью принуждения другого государства совершить какой-либо акт, связанный с заключением договора на нарушение принципа суверенного равенства государств и свободы согласия".

В принятой на конференции Конвенции о праве договоров предусматривается, что недопустимо принуждать государство к заключению договора посредством угрозы силой или ее применения. "Договор является ничтожным, если его заключение вышло в результате угрозы силой или ее применения в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе ООН", подчеркивается в конвенции.

И если НАТО отказывается прекратить бомбардировки и в то же время настаивает, чтобы Югославия пошла на заключение удобного альянса соглашения, то альянс совершает двойное нарушение международного права: а) игнорирует запрет на оказание военного давления с целью навязывания договора; б) пытается подменить договоренность об урегулировании конфликта заведомо недействительным, ничтожным с точки зрения международного права, соглашением.

Не в ладах НАТО с международным правом и тогда, когда пытается заострить против Югославии Конвенцию о предупреждении геноцида и наказании за него 1948 г.

В этой Конвенции ни слова не говорится о возможности применения военных мер для обеспечения ее соблюдения государствами либо для воздействия на те из них, которые нарушили бы ее положения.

Ее существо и смысл предусмотренных в ней мер таковы, что ответственность за ее нарушения осуществляются только в судебном порядке, через использование национальных и международных судебных процедур.

В свете этого предстают как более чем произвольные действия НАТО, по существу пытающейся усвоить роль некоего судьи над Югославией, взяв правосудие, так сказать, в свои руки, и одновременно с этим выступить в роли судебного исполнителя — с военным охухом. И в этом случае вновь игнорируется право — известный издавна принцип *Ex injuria jus non oritur* — из бесправия не возникает права.

Предъявляя Югославии обвинение в нарушении Конвенции о геноциде, а установив это может только суд — ведущим натовцам следовало бы сверить с конвенцией свое собственное поведение. Как известно, Конвенция о геноциде не только предусматривает ответственность индивидов за это преступление, но и говорит об ответственности государства за совершение геноцида. В статье IX Конвенции, где речь идет о разрешении Международным судом споров относительно конвенции, в числе вопросов, которые подлежат такого рода урегулированию судом, указаны толкование, применение или выполнение конвенции, причем специально оговаривается: "включая споры относительно ответственности того или другого государства за совершение геноцида".

Из этого положения с неопровержностью следует, что, считая СРЮ ответст-

венной за несоблюдение Конвенции о геноциде, США располагают основанным на Конвенции способом разрешения создавшейся проблемы — возможностью обращения в Международный суд. Прибегнув вместо этого к военной акции, США и страны НАТО показали, что метод решения вопроса с использованием правового инструментария, тем более такого как Международный суд, они игнорируют. Но это лишь подчеркивает международную противозаконность предпринятой ими военной акции.

Возвращаясь к ссылкам США на эту конвенцию, приходится констатировать, что они проигнорировали еще одно ее положение. Согласно статье VIII каждое участвующее в Конвенции государство “может обратиться к соответствующему органу” ООН “с требованием принять в соответствии с положением Устава” “все необходимые, по его мнению, меры в целях предупреждения и пресечения актов геноцида”.

Таким образом, Конвенция о геноциде не оставляет сомнений в том, что для того, чтобы побуждать к ее соблюдению, допустимы и правомерны отнюдь не односторонние, тем более военные меры, а обращение к предусмотренным конвенцией международным механизмам.

В арсенале самооправданий альянса занимает место также его утверждение, что “НАТО не ведет войну против Югославии”.

Характер наносимых военных ударов по этой стране опровергает эти утверждения, как и рассуждения о том, что НАТО своей военной акцией якобы не преследуют цели посягательства на территориальную неприкосновенность или политическую независимость Югославии.

Несостоятельны попытки представить дело так, что якобы нет поэтому и нарушения принципа неприменения силы, предусмотренного соответствующим положением Устава ООН. Как указывается в Докладе Генерального секретаря ООН по вопросу об определении агрессии, представленном в свое время ООН, “им (т.е. этим положением), запрещается не только война как таковая, но также и применение силы, хотя возможно утверждать, что применение силы не создает войны или желания прибегнуть к войне”.

В докладе поясняется, что имеющиеся в Уставе слова “как против неприкосновенности или политической независимости любого государства” были включены “в твердом намерении обеспечить соблюдение территориальной неприкосновенности и политической независимости государства, а не для того, чтобы в некоторых случаях можно было прибегать к угрозе силой или ее применению”.

Военная акция НАТО против СРЮ высвечивает в целом двойственное отношение НАТО к правовым основам современного мироустройства. С одной стороны, там, где это им выгодно, натовцы пытаются опереться хотя бы на какую-либо из этих основ. С другой, дело изображается таким образом, что многие международные принципы и нормы это не более, чем реликты якобы уходящего миропорядка, которые требуют некоего переосмысливания, переоценки, и заниматься этим надо не иначе как под свист натовских бомб и грохот взрывающихся ракет.

Нельзя, конечно, не отдавать отчет в том, что рассуждая, во многом на официальном уровне, о формировании новой международно-правовой доктрины и ставя под вопрос некоторые основополагающие принципы международного права, адвокаты натовской воинственности делают своей мишенью весь международный правопорядок в целом, рассчитывая на подмену его другим, удобным им регулированием, стержнем которого был бы натоцентризм, культ силы. Но тогда закономерно встает вопрос о том, что им становится неудобным Устав ООН, это концентрированное выражение современного правопорядка, с основанной на нем обширной и многообразной системой международных соглашений, решений, урегулирований, договоренностей и т.п. Бесценна для человечества уже сама по себе эта ткань координирующих, регулирующих, охраняющих, а, когда необходимо и запрещающих установлений. Непреходящую ценность имеет и

существенное содержание тех норм межгосударственного общения, которые они воплощают. Истина конкретна.

Если оттесняется на задний план существующий правопорядок, основанный на Уставе ООН, то это значит, что:

- попирается решимость народов избавить нынешнее и грядущие поколения людей от бедствий войны, как эта решимость выражена в Уставе;

- подавляется их законное стремление проявлять терпимость жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи;

- парализуются усилия государств и народов разрешать возникающие проблемы таким образом, чтобы не подвергать угрозе мир, безопасность и справедливость;

- подрывается закреплённая в Уставе ООН их твердая воля обеспечить “чтобы вооружённые силы применялись не иначе, как в общих интересах”, именно в общих, а не в блоковых интересах;

- развенчивается потребность в том, чтобы непрерывно воссоздавать условия, при которых могли бы соблюдаться обязательства по международному праву;

- игнорируется право человека на жизнь, и вообще на международный порядок, при котором его права и свободы могли бы полностью осуществляться.

Все это отнюдь не отвлечённые идеалы, не чисто доктринальные постулаты, а реальные непреходящие устои современного международного правопорядка, его неотъемлемые компоненты и основные цивилизационные грани, опрокинуть которые хотели бы адвокаты натовских военных авантюр.

Но современный международный правопорядок — это не предмет для произвольных манипуляций. Это объективно существующий порядок отношений между участвующими в них государствами и другими действующими лицами, который сложился в итоге длительного неоднозначного опыта межгосударственного общения, непростых процессов формирования и применения общепризнанных норм международного права. Их нарушения, даже тягчайшие — и об этом свидетельствуют политико-правовые итоги второй мировой войны — не в состоянии свести на нет ни сам международный правопорядок, ни его общественно-историческую обусловленность, равно как и необходимость в его дальнейшем совершенствовании. Военные акции НАТО рано или поздно исчерпают себя, жизнь, международное общение будет продолжаться, вновь в должной мере международной правопорядок будет функционировать.

Нельзя вместе с тем отвлекаться и от того, что силовое “переосмысливание” международного правопорядка сопровождается все увеличивающимся числом людских жертв в Югославии, превращением в руины её городов, страданиями сотен тысяч беженцев. И это может стать уделом других стран и народов, если попытки натовских ниспровергателей международного правопорядка не будут обращены вспять.

Дело, конечно, не только в Югославии, а ранее в Боснии. И тут, и там явно отработывается модель военного давления на государства, которые могут попасть или попали в конфликтную ситуацию в мирное время, и вообще один из сценариев реального военного доминирования на континенте. Как выразился английский аналитик на симпозиуме, посвящённом роли НАТО в боснийском урегулировании, миссия СВС “снабдила Альянс моделью для будущих многонациональных развертываний от среднего до широкого масштаба”. (N.Figa — Talamanca.. The Role of NATO in the Peace Agreement for Bosnia and Herzegovina. “European Journal of International Law”, vol. 7, N 2, 1996, p. 165).

На противодействие реализации такой модели должны быть направлены все возможности и средства современного международного правопорядка.

Профессор В.П. Пархитко.

Нападение НАТО на Югославию, открытые бомбежки самолетами США, Англии и некоторых других стран, входящих в НАТО, являют собой не только акт агрессии со стороны международной организации, но и действия, представляющие собой международный терроризм, опять-таки впервые в истории международных отношений осуществляемый со стороны международной организации.

В этом особенность этого действия НАТО — агрессия и международный терроризм. Это, — если расценивать эти действия с точки зрения постулатов существующего международного права, о которых говорил В.А. Романов.

В создавшейся обстановке хотел бы обратить внимание на весьма примечательную параллель. Сто лет назад, перед созывом Первой Гаагской конференции мира, рухнула старая Вестфальская система, и мир заговорил о необходимости создания новой системы международных отношений, в которой участвовали бы все “цивилизованные” страны мира. Таких стран тогда насчитали 26, и все они приняли участие в конференции в Гааге в 1899 году. Впервые на международную конференцию прибыли представители стран из Европы и Азии, Америки и Африки, даже из Австралии.

Сейчас таким представительством никого не удивит. Удивляет другое: одна страна так ловко научилась манипулировать своими союзниками, что каждый из них — по тем или иным причинам — разделяет мнение США, голосует в международной организации так, как будет угодно США. И получается — *volens-nolens*, — что США навязывают многим остальным странам свое мнение.

Вот и получается, что главным в доктрине НАТО прописан не “мир во всем мире”, а “защита интересов стран-членов НАТО” во всем мире.

Можно ли в этих условиях что-то противопоставить этой безумной военной доктрине, позволяющей посылать бомбардировщики в любую точку мира, где “задеты интересы НАТО”? Конечно, можно.

Эту формулу нашел академик Евгений Максимович Примаков. Это — идея “многополярного” или как его еще называют иначе “многополюсного мира”. Идея овладела руководством многих весьма уважаемых государств: о ней с удовлетворением говорят в Китае, Индии, Индонезии, Бразилии и ряде других важных и крупных государств.

Речь идет не только о том, чтобы заставить охотников отречься от ООН действовать как раз наоборот и уважать эту организацию. Никто не собирается цепляться за все положения Устава ООН, считать незыблемыми его постулаты. Но действовать нужно только в рамках ООН, только придерживаясь норм и принципов, записанных в ее Уставе.

ООН — основа современного правопорядка. Нарушать ее принципы — значит разрушать существующий правопорядок. XX век с его мировыми войнами, ядерными взрывами и полетами в космос отчетливо показал, что сила и будущее человечества покоятся только на переговорных процессах, а бомбардировки типа налетов по Югославии — это путь в тупик, если не сказать еще резче, что будет справедливой.

Профессор Ю.М. Колосов.

В свете анализа стратегической концепции НАТО, проведенного профессором В.А. Романовым, этот альянс присваивает себе право вмешиваться во внутренние дела государств в случае проведения в них “неадекватных или неудачных попыток реформ. Это представляет собой вызов и угрозу государствам с переходной экономикой, а поэтому действия НАТО в Югославии могут рассматриваться как некий тренировочный полигон.

К сожалению, все эти события, нарушающие сложившийся мировой право-

порядок, происходят в последний год провозглашенного ООН Десятилетия международного права. Поэтому действия НАТО следует расценивать и как вызов всему международному сообществу.

В мае-июне отмечается 100-летие Первой конференции мира, состоявшейся в 1899 г. в Гааге по инициативе России. НАТО нарушает принятые на ней нормы международного гуманитарного права, нанося бомбовые удары по незащищенным гражданским объектам.

Есть в этом вопросе и моральная сторона. В 1928 году был принят Парижский пакт об отказе от войны в качестве орудия национальной политики. Пакт остается в силе и по сей день. Инициаторами его принятия были Бриан (Франция) и Келлог (США). Если США и Франция считают "гуманитарную интервенцию" своей национальной политикой, то в свете Пакта Бриана-Келлога она не должна осуществляться с помощью даже "необъявленной войны". Предание забвению инициативы собственных сограждан является, помимо прочего актом аморальным.

Профессор П.В. Саваськов.

Действия НАТО в отношении Сербии показывают, что современное международное право не просто переживает трудный период. Попранны основополагающие принципы международного права: запрет применения силы или ее угрозы, невмешательства во внутренние дела, добросовестного соблюдения международных обязательств.

Вооруженный конфликт развязали члены ООН, из которых три государства — постоянные члены Совета Безопасности. Применение вооруженной силы вопреки положениям Устава ООН является нарушением не только уставных обязательств, но и обязательств, предусмотренных общим международным правом. Подобные нарушения подрывают не просто основы международного права. Они подрывают веру международного сообщества в международное право.

Между тем обращение ряда государств-членов НАТО к вооруженной силе не является случайным. Так, Соединенные Штаты Америки не раз после Второй мировой войны использовали свои вооруженные силы для вмешательства во внутренние дела других государств. Внимание международного сообщества отяжелело на действия СССР и его союзников, в частности на вмешательство СССР и его союзников во внутренние дела Венгрии в 1956 г. и во внутренние дела Чехословакии в 1968 г., на противоправный ввод Советским Союзом вооруженных сил в Афганистан. А противоправные действия США, между тем, не получали должной международно-правовой оценки сообщества государств. В конечном счете, это не могло не сказаться и на отношении к международному праву.

Распад СССР нарушил равновесие сил, которое сложилось после Второй мировой войны, и ускорил развитие пренебрежительного отношения к международному праву. В частности, это проявилось и в виде образования Совета Безопасности ООН Международных трибуналов для судебного преследования лиц, ответственных за нарушения международного гуманитарного права, совершенные в бывшей Югославии и Руанде. Создав эти трибуналы, Совет Безопасности превысил полномочия, предусмотренные Уставом ООН. ООН либо ее органы могли бы создавать международные трибуналы, если бы это было предусмотрено ее Уставом либо она являлась наднациональной организацией.

Такие трибуналы могут создаваться в соответствии с современным международным правом только государствами, и юрисдикция таких трибуналов может распространяться лишь на государства, признавшие эту юрисдикцию. В связи с этим, на мой взгляд, одним из действенных шагов явилось бы внесение в ООН предложения о ликвидации названных трибуналов. Ликвидация трибуналов могла бы только укрепить международное право.

Профессор Э.С. Кривчикова.

Военные действия НАТО против Югославии и попытки оправдать подобные действия со стороны Американской ассоциации международного права, так и с позиций Устава ООН.

Современная система международного права, основанная на Уставе ООН подвергла радикальным изменениям “право войны”, сложившееся в течение столетий. Государства не только отказались от войны как орудия национальной политики на основании Пакта Бриана — Келлога 1928 г., но и от угрозы силой или ее применения (любой силой и прежде всего вооруженной) на основе Устава ООН. Этот отказ не исключает правомерного применения силы в порядке индивидуальной или коллективной самообороны в случае вооруженного нападения одного государства на другое. При этом Устав допускает оборонительные вооруженные действия лишь до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

Применение силы может иметь место также от имени ООН в случаях угрозы миру, нарушения мира и актов агрессии по решению Совета Безопасности и под его руководством. Это положение распространяется и на региональные организации, которые не вправе предпринимать принудительные действия без полномочий от Совета Безопасности. Эти краеугольные положения современного международного правопорядка полностью нарушены США и их союзниками по НАТО.

Оценка подобного поведения может быть лишь одна “полное разрушение современной системы поддержания мира и безопасности на основе положений Устава ООН и реконструкция ряда старых понятий, норм и принципов” существовавших в международном праве до первой мировой войны — т.н. классическом международном праве. Речь идет прежде всего в возврате к праву государств прибегать к силовым вооруженным действиям под предлогом защиты национальных интересов, интересов собственных граждан и юридических лиц.

В принятой в апреле 1999 г., новой стратегической концепции НАТО, направленной на XXI век, НАТО наделяется правом применять военную силу без решения Совета Безопасности в самых разных ситуациях — противодействия оружию массового поражения, в случаях международного терроризма, распространения наркотиков и т.д. США и их союзники по НАТО идут к такому пониманию международного права целенаправленно. Об этом свидетельствуют действия США против Гренады, Панамы, Сомали, действия США и ряда государств НАТО против Ирака (начиная с “Бури в пустыне” и кончая “Лисой в пустыне”) против боснийских сербов, а теперь и против Союзной Республики Югославия, включая территорию Косово. Надо подчеркнуть, что НАТО своими действиями против Югославии нарушили не только Устав ООН, но и положения собственного Северо-Атлантического договора.

В связи с вышесказанным возникает вопрос о международно-правовой ответственности как НАТО, так и государств-членов НАТО.

В современном международном праве признается правосубъектность международных организаций, а также их ответственность за нарушение ими международных обязательств, вытекающих из договоров и других источников международного права. На любую международную организацию распространяется запрет прибегать к силе или к ее угрозе в обход и нарушение положений Устава ООН. Уже это позволяет поставить вопрос об ответственности НАТО и о ее роспуске. Постановку этого вопроса могла бы инициировать Россия на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Резюме дискуссии подвел заведующий кафедрой международного права, профессор Ю.М. Колосов.

Я считаю, что многократные устные выступления нашей страны против агрессии стран НАТО, которых было особенно много в конце марта — начале апреля (то есть в начале конфликта) должны были подтверждаться конкретными действиями. Так как действия стран НАТО нельзя было рассматривать иначе, нежели как агрессию в отношении суверенного государства, Россия, как мне кажется, имела право, допустим, направить в район Адриатики — к берегам Югославии усиленную морскую эскадру, состоящую из кораблей Северного флота, или совершить пролет военных воздушных судов (конечно, в пределах воздушного пространства над открытым морем) в районе границ некоторых стран НАТО (например, Германии и Польши). Такая демонстрация силы, возможно имела бы определенный эффект и заставил бы обе стороны сесть за стол переговоров, особенно, учитывая силу резонанса, вызванного ничем не подтвержденной информацией о перенацеливании российских ядерных ракет на объекты в странах НАТО. По-видимому, этого не было сделано из-за крайне тяжелого финансового и материально-технического состояния российских вооруженных сил в настоящий момент. Учитывая данный фактор, направление в район Адриатики одного небольшого разведывательного корабля стало фарсом (эта “демонстрация силы” напоминает басню Крылова о маленькой собачке Моське, лающей на слона). Я считаю, что такие ничем не подтверждаемые “грозные окрики” со стороны России ведут к снижению нашего и без того уже незначительного авторитета на международной арене. С моей точки зрения грубейшей ошибкой было также попустительство в отношении созыва заседания Совета Безопасности ООН — у России было почти 24 часа для того, чтобы это сделать (я имею в виду период с момента объявления Генеральным Секретарем НАТО о принятии решения о бомбардировках до отдачи приказа о начале военных действий). Даже, если документы, регламентирующие порядок работы такого органа и не позволяют этого сделать в такие короткие сроки, я думаю, что в данном случае все государства-члены СБ согласились бы сделать исключение, учитывая то, что бомбардировки территории Югославии без санкции СБ ООН тоже в настоящий момент часто называются “исключением”.

Говоря о настоящем моменте (конец мая) я считаю необходимым немедленно прекратить переговоры, ведущиеся специальным представителем Президента РФ Черномырдиным В.С., так как они уже на протяжении более чем двух недель не приносят никаких результатов. Они способствуют “затуманиванию” — создается впечатление о том, что ведется серьезная работа и вскоре все успешно завершится, на самом же деле ни одна из сторон в конфликте до сих пор не может сдвинуться с мертвой точки.

Материал поступил в редакцию в мае 1999 г.